

18+

роман
РОБИН КАЭРИ

КУПИДОН НА ВИШНЕ

И ПЕРВЫЙ БАЛ, И ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Робин Каэри

**Купидон на вишне. И первый
бал, и первая любовь**

«Издательские решения»

Каэри Р.

Купидон на вишне. И первый бал, и первая любовь / Р. Каэри —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567145-5

Задумка юного Людовика XIV поставила на уши весь королевский двор. Слух о готовящемся грандиозном празднике облетел не только Лувр, но и весь Париж, а приготовления обернулись суматохой и бессонными ночами. И всё это было не зря! Придворный балет «Королевский триумф» сделался самым ярким событием уходящего 1653 года. Действие романа происходит при дворе короля Франции Людовика XIV. Среди персонажей встречаются исторические лица, но автор оставляет за собой право на литературный вымысел.

ISBN 978-5-00-567145-5

© Каэри Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Королевская корреспонденция	6
Глава 2. Королевские гонцы. Целеустремлённость	12
Глава 3. Королевские гонцы. Безупречность	18
Глава 4. Королевские гонцы. Очарование	23
Глава 5. Королевский обед	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Купидон на вишне И первый бал, и первая любовь Робин Каэри

Dominique Leostelle *Дизайнер обложки*

© Робин Каэри, 2024

© Dominique Leostelle, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0056-7145-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Королевская корреспонденция Лувр. Апартаменты короля, 12.12.1653 г.

Ярко вспыхнули и загорелись искорки. Словно хвост кометы в ночном небе они пролетели через всю комнату и затерялись в тёмном углу. Громкий стук прокатившегося по паркету перстня, соскользнувшего с пальца, отвлёк молодого человека от его размышлений. Вот уже несколько минут он с рассеянным видом созерцал написанные им письма, в беспорядке разбросанные на столе. Он обернулся и, не скрывая широкий зевок, устало спросил:

– Сколько ещё? Мы написали уже больше двух дюжин писем!

– Запишите ещё одно, Луи-Виктор! На этот раз для Катрин, – ответил Людовик и кончиком гусиного пера указал на стол.

Устроившись на широком подоконнике, он размышлял о чём-то, устремив в окно взгляд своих глаз цвета лазури сентябрьского неба.

– Как? Целых два приглашения для неё одной? – удивился Луи-Виктор де Вивонн, помахивая перед собой листом бумаги, на котором блестели ещё невысохшие чернила.

– Я говорю не о Катрин де Грамон, – пояснил Людовик, задумчиво водя кончиком пера по своему подбородку.

Он обернулся и, смахнув небрежным жестом упавшие на лоб пряди выующихся волос, пояснил:

– Теперь напишите письмо для Катрин де Невиль!

– А... Понятно!

С обречённым видом, словно его приговорили к каторжным работам, Де Вивонн потянулся за новым листом и положил его перед собой. Склонившись над столом, он приготовился писать ещё одно письмо, содержание которого было повторением всех предыдущих – это было приглашение на королевскую прогулку в садах Тюильри. Написав около двух дюжин таких писем, граф успел выучить текст слово в слово, так что ему и не требовалось уточнять, что именно Людовик хотел передать в очередном послании.

За окнами только занимался рассвет утра двенадцатого декабря. И если до этого дня время, оставшееся до святочных праздников, отсчитывали неделями, то теперь счёт будет вестись на дни! Их осталось всего тринадцать, так что каждый новый день в королевском дворце будет встречен с ещё большей суматохой, чем предыдущие. Ещё накануне суэта, обыкновенно царившая в Лувре, была показной и нарочитой, и, казалось, что скоротечность времени никогда не проникала сквозь толщу вековых стен, а во дворце всё ещё шло своим чередом, но с этого утра начался самый настоящий переполох. Бурная деятельность загудела в древней твердыне французских королей с энергией, какой не помнили со времён правления предыдущей династии. Приготовления к праздникам перешли от обсуждений и споров к отчаянным скачкам наперегонки со временем. Распорядители всех дворцовых служб буквально сбивались с ног, чтобы успеть с подготовкой самого зрелищного и масштабного представления, какое только помнили стены Лувра. Да что там Лувр! Париж не видел ничего подобного на протяжении вот уже нескольких десятков лет! В канун Рождества, помимо торжественной мессы в дворцовой часовне и парадного Королевского обеда на несколько сотен гостей, во дворце готовились к балу, который должен был стать самым блестящим и помпезным событием эпохи. В Лувре ожидали прибытия огромного числа приглашённых гостей – такого количества людей в его стенах не было даже во время созыва Генеральных Штатов. Сам Париж не видел подобной толпы народа со времён войны, которая разгорелась между королевской властью и Парламентом, а позднее между королём и партией мятежных принцев – так называемой Фронды.

Но Людовик загорелся идеей устроить, кроме святочного бала во дворце, особое представление, по размаху и великолепию превосходящее все известные в истории королевские балы. Он намеревался посвятить в этот замысел всех своих друзей и пригласить их танцевать на сцене вместе с ним. Написать музыку для нового балета Людовик решил заказать флорентийцу Жану-Батисту Люлли – молодому музыканту и танцору, с недавних пор подвизавшемуся при дворе в качестве композитора, а постановку танцев – придворному учителю танца и хореографу Пьеру Бошану.

Содержание записок с приглашениями сочинил сам Людовик, но столь важное дело, как, впрочем, и все затеи юного монарха, не обошлось без участия и советов Франсуа Онора де Бовье графа де Сент-Эньяна, обер-камергера королевского двора.

Природная сдержанность, безупречный вкус, доскональное знание тонкостей придворного этикета, свода дворцовых правил, дворянского кодекса и геральдики, вместе с многолетним опытом службы при дворе и умением дипломатично лавировать между соперничающими между собой партиями придворных, помогли графу де Сент-Эньяну стать доверенным лицом вдовствующей королевы. А кроме того, несмотря на значительную разницу в возрасте, сорокалетний граф сумел завоевать расположение и дружбу юного короля. Ведь помимо перечисленных достоинств, граф обладал тонким вкусом и чутьём во всём, что касалось модных веяний в культуре. Более того, в литературных кругах и среди парижской высшей знати де Сент-Эньян заслужил всеобщее признание и авторитет, как арбитр изящества.

Прислушиваясь к советам графа, Людовик всё утро работал над пригласительными письмами. Он даже написал некоторые из них собственноручно, однако большая часть была записана под диктовку Луи-Виктором де Рошешуаром де Мортемаром графом де Вивонном – его другом и помощником во всех затеях.

Этот юноша был немногим старше самого короля, и в свои семнадцать лет мог бы стать образцом для подражания молодым дворянам, если бы не его природная лень и нежелание браться за дела, которые не увлекали его сразу же минут, либо слишком быстро наскучивали. Он неплохо разбирался в искусстве и литературе, тщательно и со вкусом одевался, умел выбирать интересные темы для беседы и не боялся вступать в остроумные полемики. Кроме того Луи-Виктор получил прекрасное образование в классических науках – читал на древнегреческом и латыни, легко справлялся с несложными математическими задачами, разбирался в географии и навигации, успел обрести базовые знания в астрономии и фортификации, превосходно фехтовал, стрелял без промаха и был отличным наездником. Но, что особенно ценилось при дворе, Луи-Виктор был прекрасным танцором и обладал ещё двумя весьма важными качествами – недюжинным чувством юмора и смекалкой.

– Будет хорошим тоном послать два письма, граф: одно для мадемуазель Катрин, а другое – для мадемуазель Франсуазы, – произнёс де Сент-Эньян, который всё это время мягкой походкой прохаживался за спиной у де Вивонна. – Даже если они сёстры.

– Но зачем? Не проще ли послать одно письмо с малышом де Виллеруа? Он-то наверняка сумеет заручиться их согласием – они же его сёстры! – возразил Луи-Виктор и отложил перо, собираясь размять пальцы после долгих упрямств по каллиграфии.

– Мой дорогой граф, это будет моветоном, – негромко изрёк де Сент-Эньян и обратился к Людовику:

– Любые письма с приглашением, просьбой, даже приказом могут быть написаны от имени короля. Это так. Официальные письма – тем более! Но сейчас речь идёт о приглашении на прогулку в кругу друзей. И к тому же в обществе прекрасных дам и блестящих кавалеров, – граф дипломатично кивнул в сторону де Вивонна, который покраснел от только что прозвучавшего в его адрес упрёка. – А посему каждое письмо с приглашением должно быть составлено так, как если бы было послано только одному адресату лично. Таким образом, сир,

вы выказываете ваше особое расположение к каждому приглашённому, – и тут он неожиданно улыбнулся и уточнил:

– К каждой из них. Именно этот жест поможет вам заручиться их личным благоволением к вам, сир.

– А разве они уже не благоволят мне? – спросил Людовик, небрежно помахивая перед собой листом с собственноручно написанным приглашением для одной из воспитанниц в свите королевы.

– Да, это так. Они благоволят своему королю. Но ведь личное расположение и дружба ценятся гораздо выше! Не так ли, сир?

– Зависит от того, чьё именно, – обронил Людовик, скрывая смущение.

Он наклонился над сложенным втрое листом бумаги, чтобы надписать на обороте: «Для мадемуазель Олимпии Манчини. Лично в руки». Отложив лист поодаль от себя, он подумал с минуту, снова взял его, развернул и дописал короткую строчку внизу прямо под размашистой подписью. Украсив это дополнение вензелем с завитками и дурашливым рисунком в виде цветочного бутона, Людовик оглянулся и бросил молниеносный взгляд назад.

Де Вивонн в это же самое время сосредоточенно выводил незатейливые строки послания для одной из сестёр де Невиль, а де Сент-Эньян с безучастным видом стоял у окна, наблюдая за хороводом снежинок, кружащихся на фоне серо-голубых туч.

Убедившись, что он не привлёк к себе их внимания, Людовик соскочил с подоконника и подошёл к секретеру. Он достал из его недр шкатулку с Малой Королевской печатью, которой полагалось скреплять официальные документы, взял восковую палочку и расплавил над огнём свечи её кончик, чтобы капнуть несколько капелек воска на сложенное втрое письмо, и, наконец, аккуратно скрепил его печатью.

В ту же минуту раздался громкий стук в дверь. Прежде, чем первый камердинер короля месье Бонтан, успел доложить о новом посетителе, в кабинет проскользнул мальчик лет девяти с голубыми глазами, полными счастливого энтузиазма, ярким румянцем на щеках и разметавшимися по плечам кудрями светло-каштанового цвета.

– А, де Виллеруа! Вот и чудненько! – приветствовал его де Вивонн, но, уловив укор во взгляде графа де Сент-Эньяна, тут же отвернулся и продолжил дописывать незаконченное письмо.

– Франсуа! А как вы смотрите на то, чтобы побыть сегодня моим личным гонцом? – спросил Людовик, с улыбкой встретив приход самого младшего из своих друзей.

– А к кому надо сбегать? – румянец на щеках де Виллеруа сделался ещё ярче при виде множества писем, лежавших на столе.

– К вашим сёстрам... – снова обернулся к нему де Вивонн, но Людовик жестом прервал его и протянул маркизу только что запечатанное им письмо.

– К мадемуазель Олимпии Манчини! Впрочем, вы можете отнести письма для её сестёр и кузин тоже, – король кивнул де Вивонну и тот передал маркизу пачку посланий, адресованных к племянницам кардинала Мазарини, а также и к другим юным воспитанницам в свите королевы Анны Австрийской – дочерям самых именитых дворянских семей Франции.

– Господин Бонтан! Распорядитесь, чтобы мои гвардейцы сопровождали маркиза до самых покоев королевы! Надеюсь, что вы найдёте всех, Франсуа. И запомните, записку для мадемуазель Манчини важно передать ей в руки. Лично!

– Хорошо, я мигом! Туда и обратно!

– Да не торопитесь вы так! То есть нет! Поспешите! Но вы можете дождаться ответа Олимпии, – говоря это, Людовик бросил грозный взгляд в сторону де Вивонна, который с тихим смешком мигом отвернулся к столу.

Не обращая внимания на его смех, Людовик величественным жестом отправил новоиспечённого гонца. Сам он вернулся к окну и сменил де Сент-Эньяна на этом своеобразном

посту, откуда можно было увидеть всё, что происходит во внутреннем дворе Лувра, а также понаблюдать за капризами переменчивой декабрьской погоды.

Любуясь снежинками, которые медленно опускались с небес, он мысленно повторял себе, что не пройдёт и получаса, как маркиз вернётся с ответом. И конечно же, ответ Олимпии будет передан не просто на словах, как от всех остальных! Ведь она непременно захочет ответить ему письмом. Остаётся всего лишь дожидаться возвращения Франсуа – и всего-то!

«Только и всего!» – мысленно повторял самому себе Людовик, рассматривая прилипшую к оконному стеклу снежинку.

В его воображении Олимпия сидела за секретером и писала ответ, сжимая в тонких и удивительно мягких пальцах гусиное перо, кончик которого скользил, словно танцуя, по гладкому листу бумаги. И отчего-то Людовик был уверен, что этот лист будет нежно-лилового оттенка, а кроме того, он непременно будет пахнуть нежно любимыми Олимпией фиалками.

– А как же я? – де Вивонн посмотрел на оставшиеся на столе письма, адресованные его сестрам и другим девушкам, которые были представлены ко двору в качестве дочерей, племянниц или воспитанниц высокопоставленных придворных, но не состояли в свите Анны Австрийской.

– А вас, дорогой мой, я хочу послать к очень важной персоне!

Людовик с лукавым прищуром посмотрел в вытянувшееся в ожидании лицо де Вивонна. Он любил заинтриговать собеседника многозначительным намёком и заставить помучиться в догадках. Луи-Виктор был хорошей мишенью для подобного розыгрыша, поскольку не слыл любителем терпеливо подбирать решения к каверзным задачкам. Граф предпочитал отмечать сомнения одним точным вопросом, как некогда Александр Македонский распутал гордиев узел, разрубив его ударом меча.

– И к кому же это? – в прозрачно-голубых глазах де Вивонна блеснул огонёк предвкушения.

Ведь если де Виллеруа достались письма к сёстрам Манчини и Мартиноцци, а доставку приглашений к остальным барышням Людовик решил поручить, по-видимому, графу де Сент-Эньяну, то к кому же пошлют его? И вот уже в следующее мгновение Луи-Виктор нахмурил лоб, его русые брови сошлись у переносицы, а в выражении лица появилось отражение догадки, пришедшей ему на ум. Всё ясно! Это лукавое выражение лица Людовика означало нелестное для него каверзное поручение. Уж не придётся ли ему плестись в Шато-Коломб и просить аудиенции у вдовствующей королевы Англии Генриетты-Марии для того, чтобы передать приглашения младшим детям покойного короля Англии Карла Первого – принцу Генри и принцессе Генриетте-Анне? По слухам, маленькую принцессу, которой должно было исполниться девять лет, готовили к официальному представлению ко двору.

– Вам, мой дорогой Луи-Виктор, я поручаю отыскать маэстро Люлли! У меня есть для него особый заказ. И будьте осторожны, не проболтайтесь никому! Пока ни единого слова никому, кроме тех, к кому мы написали письма с приглашениями. Я хочу, чтобы этот балет стал грандиозным сюрпризом для всех.

– Сир! – разочарованный в своих самых лучших ожиданиях и в расстроенных чувствах, потому что была задета несоразмерная ни с чем на свете гордость представителя рода де Рошешуар де Мортемаров, корнями восходившего к Капетингам, Луи-Виктор выпятил грудь и собрался произнести пылкую речь о чести и достоинстве потомственного дворянина.

– Минутку, сир! – мягкий голос де Сент-Эньяна остановил порыв вспыльчивого наследника одной из древнейших семей Франции. – Вряд ли графу известно, где в этот час можно отыскать дирижёра королевского ансамбля Малых скрипок. А я прекрасно знаю, где распо-

лагается репетиционный зал. К тому же мне будет легче убедить маэстро прервать репетицию. Я хорошо знаком с вашим замыслом, сир, и сумею с точностью обрисовать основные детали. Таким образом, у маэстро будет возможность придумать первые наброски и идеи ещё до встречи с Вашим величеством в садах Тюильри.

– Хм, – Людовик пристально посмотрел на де Вивонна, а тот ждал его ответа, в глубине души закипая от гнева, который было непозволительно выплеснуть в присутствии самого короля.

Оба графа ждали его ответа.

А Людовик с отсутствующим видом отвернулся в сторону окна и долго молчал, тихо постукивая пальцами по холодному стеклу. Спустя некоторое время он снова обернулся, но сделал это только после того, как сумел подавить в себе острое желание задать де Вивонну хорошую взбучку за его дерзость и спесь.

– Да, мы поступим именно так, дорогой граф! – несмотря на любезную улыбку, в словах короля сквозил холодок. – Я не стал писать приглашение для Люлли. Пожалуйста, передайте ему то, насколько велико наше желание видеть его на прогулке в садах Тюильри. И поделитесь идеями о представлении, которое мы обсуждали. Надеюсь, он успеет рассказать о нём и мэтру Бошану. Скажите маэстро, что нам будет необходим его ансамбль Малых скрипок! И новая музыка. А больше всего – его талант!

Де Вивонн презрительно скривился, но на этот раз сдержал ехидные шутки. Он прекрасно понимал значение того вежливого тона, к которому Людовик прибегал в минуты, когда сердился. Ссориться с королём, да ещё и накануне грандиозного веселья, Луи-Виктору вовсе не хотелось. Даже зная наверняка, что по своему характеру Людовик был отходчив и быстро прощал друзьям их промахи, граф понимал, что повёл себя дерзко и заносчиво.

– А я? – нахмурившись, он смотрел исподлобья, всем своим видом показывая, что готов уступить.

– А что? – Людовику легко удалось разыграть удивление. – Ах да! Если пожелаете, дорогой граф, то можете передать адресатам вот эти письма. Кстати, я собственноручно написал ещё и письмо к маленькой кузине Анриэтт и кузену Анри, – так Людовик и его младший брат Филипп называли своих английских кузенов – принцессу Генриетту-Анну и принца Генри Стюартов.

Не скрывая нового приступа разочарования, де Вивонн сгрёб со стола оставшиеся письма и двумя пальцами взял протянутое королём письмо, которое, в отличие от остальных, было свёрнуто в трубочку и скреплено красной восковой печатью, висевшей на шнурках из голубого шёлка.

– Да не бойтесь вы так, Луи-Виктор! Я же не свататься вас посылаю, – теперь настала очередь Людовика посмеиваться над смущением друга. – К тому же в свите нашей маленькой кузины есть несколько прелестных компаньонов и фрейлин. И они, по уверениям некоторых, весьма недурны собой. Можете пригласить от моего имени на прогулку всю свиту королевы Генриетты-Марии! Моя дорогая тетюшка будет единственной, кто откажется от приглашения. Впрочем, можете и не говорить об этом вовсе, если не хотите. Я написал обо всём, что важно, в письме.

Пойманный на горячем – на вспыхнувших в его воображении пылких юношеских фантазиях – де Вивонн покраснел и буркнул: «Угу!», а затем стремительно поклонился, собираясь уйти.

Граф де Сент-Эньян тоже отвесил королю вежливый поклон и направился к двери.

– А! Граф! – Людовик вскинул подбородок и приподнял брови, всем видом показывая, что был намерен попросить ещё об одной услуге:

– Не могли бы вы намекнуть маэстро Люлли, что я буду рад помощи его знакомых актёров и актрис из театра Итальянской комедии? Нам понадобятся танцоры для кордебалета и хори-

сты! А также костюмы... Да, пожалуй, что и декораторы тоже! В общем, связи и знакомства маэстро с закулисным миром театра – вот что нам будет весьма полезно!

Бесстрастное лицо обер-камергера на мгновение вытянулось в изумлении. Но он лишь повторил изящный поклон и тут же удалился прочь. Не слишком быстро, но и без промедления. Уж очень сильным было искушение высказать неопытному юнцу всё, о чём тот не знал и даже не догадывался в силу своего возраста относительно знакомств и связей с закулисным миром театра.

Де Вивонн, не мешкая, поспешил вслед за графом, опасаясь получить ещё какое-нибудь каверзное и неотложное поручение, а также в надежде, что успеет расспросить де Сент-Эньяна обо всех секретных задумках Людовика.

Глава 2. Королевские гонцы. Целеустремлённость Тюильри. Покои королевы, 12.12.1653 г.

– То есть это значит, что мне придётся ехать в Шато-Коломб? – лицо де Вивонна выражало недовольство, к которому добавилась ещё и обиженная ухмылка. – Король не мог так поступить со мной! Нет же! Но, чёрт побери, как? Каким образом я успею туда и обратно в один день? Туда ехать час с лишним, если верхом, а в карете и того дольше!

– Ну, коль уж вы не пожелали отправиться с приглашением к маэстро Люлли, – напомнил ему граф де Сент-Эньян, помедлив перед дверью в королевские покои прежде, чем уйти.

Де Вивонн вспыхнул, но вслух ничего не сказал. Он замер с открытым ртом, прислонившись спиной к двери. Де Сент-Эньян посмотрел на него с укоризной, слегка наклонив голову. Уходить он не спешил из нежелания оставить незадачливого гордеца один на один с неразрешимой задачей.

– Впрочем, дорогой граф, на вашем месте я бы не торопился бежать на конюшни, – произнёс, наконец, обер-камергер, отчего де Вивонн с удивлением уставился на него.

– Это почему же? Только не говорите, что... О нет...

– О да! – передразнил его граф, приподняв брови в комичном выражении отчаянья.

– Нет! Но вы же не хотите сказать, что королева Генриетта-Мария уехала из Парижа? Неужели она в Шайо?

Разочарованию де Вивонна не было предела, он даже подался вперёд, явно борясь с желанием схватить графа за грудки.

– К счастью для вас, мой юный друг, нет, – ответил де Сент-Эньян с улыбкой удовлетворения и намеренно отступил назад, как будто собираясь уходить. – Нет, уверяю вас! Неделию назад королева Генриетта-Мария в сопровождении своего двора вернулась в Париж. На время зимних праздников её величество поселилась в Тюильри. Видите ли, поговаривают о том, что полупустые комнаты в Шато-Коломб не подходят для нынешних холодов. Что уж говорить о Шайо – и того меньше!

На бесстрастном лице этого многоопытного придворного промелькнула ироничная улыбка, подчёркивая скрытый в его словах намёк на то обстоятельство, что королева Генриетта-Мария вряд ли захотела бы провести святочные праздники вдали от ярких и, несомненно, согревающих огней королевского двора.

– Там скверно отапливают, насколько мне известно. И это не считая сквозняков. К тому же после отъезда её старшего сына Карла и всей его свиты в Кёльн при дворе королевы Генриетты-Марии воцарилась смертельная скука. А это скверно влияет на здоровье, особенно в зимнюю стужу.

– Так что же вы раньше не сказали, граф! – прервал де Вивонн эти дипломатичные рассуждения обер-камергера.

Обрадованный этой новостью, он мгновенно забыл, что всего минуту назад дулся на короля и весь белый свет из-за поручения отправиться в качестве личного гонца к маленькой принцессе Генриетте. Всё-таки как мало нужно для того, чтобы взглянуть на ситуацию с другой стороны и оценить столь значительный и немаловажный факт, что ему не придётся ехать верхом целый час, да ещё и за пределы Парижа! И как знать, не довелось бы ему заночевать в холодном замке вдовствующей королевы или вовсе где-нибудь в придорожном трактире, если бы и в самом деле пришлось поехать в Шато-Коломб?

– Ну что же! Мой путь лежит в сторону восточного флигеля через Большую галерею, – сказал де Сент-Эньян, похлопывая себя по бедру парой тонких перчаток. – А вам, мой друг, лучше всего идти напрямик через внутренний двор. Знаете, там можно свернуть в сторону

садов Тюильри. Таким образом вы скорее доберётесь до дворца Тюильри и не успеете продюргнуть. А не то его величеству придётся искать вам замену или вовсе отменить вашу партию в балете. Его это очень огорчит! – в глазах обер-камергера мелькнула лукавая улыбка, – вы же знаете, как наш король не любит, когда что-то идёт вразрез с его планами.

– Как же! Знаю! – молодой человек хмыкнул, но помня о том, что граф только что помог ему важной подсказкой, пререкаться не стал.

Вежливо поклонившись на прощание, Луи-Виктор поспешил к парадному вестибюлю дворца. Уже на ходу он свистнул своего камердинера, который, кроме того, что охранял перевязь со шпагой, шляпу и подбитый мехом плащ молодого графа, успел скоротать время и за игрой в кости с гвардейцами, которые несли караул на лестнице главного вестибюля.

Дорога из Лувра в Тюильри не заняла много времени, так как желание поскорее справиться с возложенной на него миссией подгоняло молодого человека, заставляя его почти бежать по обледеневшей мостовой широкого внутреннего двора Лувра.

Едва перейдя на садовую дорожку, он споткнулся о камешек и чуть не полетел кубарем, с громким шумом пропахав мёрзлый гравий каблуками сапог.

Спасаясь от мороза и пронизывавшего до костей ледяного ветра, де Вивонн на бегу влетел в пустынный вестибюль дворца Тюильри. Царившая там тишина и гулкое эхо его собственных шагов были подозрительны сами по себе, но ещё больше настораживал тот факт, что стоявшие у входа гвардейцы не остановили его. Они не обратили на де Вивонна никакого внимания, замерев на своём посту, словно окаменевшие статуи в заколдованном замке. И, кроме них, Луи-Виктор ни единой души не встретил на всём пути через галерею, целую анфиладу залов и даже у лестницы, ведущей к парадным покоям, расположенным на втором этаже.

Лишь наверху он заметил двух девиц в скромных платьях, но те тотчас же испуганно упорхнули с глаз долой через одну из боковых дверей для прислуги. И только в последнем зале, бывшей парадной приёмной Тюильри, он застал лакея. Тот оглянулся с безразличным выражением лица, всего лишь мельком посмотрел на вошедшего молодого человека и тут же отвернулся, будто и вовсе не заметил его прихода, продолжив полировать тряпичей из бархата позолоченные ручки дверей, ведущих в смежные покои.

– К её величеству! Сейчас же! – выкрикнул граф, пройдя через весь зал к дверям, из-за которых доносились мелодичные звуки музыкального дуэта арфы и лютни.

Удивлённый скорее тем, что одетый в дорогой меховой плащ и щегольскую шляпу с богатым плюмажем молодой дворянин снизошёл до того, чтобы докладывать о себе, лакей отстранился от дверей. Заметив нетерпение на лице прибывшего, он надавил на дверную ручку, которую только что начищал, и распахнул одну створку дверей, чтобы пропустить неожиданного гостя к королеве.

Де Вивонн, весь раскрасневшийся после пробежки на морозе, оказался на пороге просторного зала, в котором царили свет и даже уют. Всё было ярко освещено огнями нескольких десятков свечей, горевших в настенных канделябрах и в чаше огромной люстры, висевшей под высоким расписным плафоном. Помешкав с минуту или две в ожидании, когда его пригласят войти, граф нерешительными шагами пересёк зал до середины.

Остановившись, он почувствовал, как у него загорелись лоб и щёки от волны горячего воздуха, дохнувшей из зева огромного камина, который занимал центральную часть противоположной стены. С громким гудением и треском в нём горели несколько больших поленьев, сложенных пирамидой. Потянув за концы шейного платка, Луи-Виктор расслабил узел, а затем и вовсе распустил аккуратно завязанные в бант шнуры на воротнике плаща. Уж лучше предстать перед королевой Англии похожим на дерзкого шалопа, пренебрегшего своим внешним видом, нежели на страдальца, вспотевшего от жары и замученного духотой.

Порывистым движением он сорвал с головы шляпу и прижал её к груди, сделал ещё два шага вперёд, после чего склонился в почтительном поклоне перед спинкой высокого кресла, которое стояло развёрнутым в сторону камина.

– Подойдите ближе, сударь! – приказала королева и только тогда обернулась в его сторону.

Это была женщина сорока с лишним лет с очень бледным, но красивым лицом, на котором выделялись глубокие бороздки скорбных морщинок возле губ и в уголках выразительных чёрных глаз. Она была одета в чёрное платье с высоким воротником, наглухо застёгнутым под самым подбородком, а её роскошные блестящие волосы, стянутые в тугие кольца по бокам, венчал плат из чёрного кружева. Властным жестом Генриетта-Мария приказала де Вивонну приблизиться, но сама вновь отвернулась к камину. Опершись щекой на руку, она продолжила слушать мелодию лютни, на которой играла девочка лет восьми.

Звукам этой музыки, словно эхо, вторило пение арфы, на которой играла молодая особа, одетая, как и королева, в строгое чёрное платье с высоким воротником, и с такой же, как у королевы, причёской, только без вдовьего чёрного платя.

– Ваше величество! – де Вивонн ещё раз поклонился и устался на спинку кресла в ожидании, когда королева соблаговолит спросить его о цели визита.

Генриетта-Мария заговорила через некоторое время, когда спина графа, занемевшая от долгого стояния в поклоне, начала нестерпимо ныть. Де Вивонн уже был готов презреть все правила этикета и выпрямиться, не дожидаясь, когда же его заметят. Расправив плечи и грудь, он вытянулся, едва слышно выдохнул с облегчением и тут же подавил его, заметив обращённый к нему полный сожаления взгляд девочки. Она закончила игру и, также как и он, замерла, сидя на низеньком табурете, в томительном ожидании реакции своей взыскательной слушательницы. Можно было подумать, что в этом огромном зале и время, и сама жизнь внезапно остановились в ожидании, когда королева выйдет из задумчивого оцепенения, которое продолжалось вот уже дольше четверти часа.

– Кто вы? – спросила наконец Генриетта-Мария.

Она снисходительно кивнула девочке, а потом обернулась к молодому человеку и протянула к нему руку.

– Луи-Виктор де Рошешуар граф де Вивонн, Ваше величество! – представился он и, подойдя ближе к креслу, поклонился с тем, чтобы почтительно прикоснуться губами кончиков пальцев её руки. От пахнувшей лавандовым маслом, белоснежной, молодой и свежей кожи повеяло прохладой. Тонкие пальцы безвольно легли в крепкую ладонь молодого человека, долив лёгкое пожатие.

– Вы из свиты его величества? – спросила королева, но в её голосе де Вивонн не уловил ни единого намёка на интерес:

– Чего желает Людовик? Или это господин кардинал прислал вас ко мне?

– Я здесь с посланием от короля для её высочества принцессы Генриетты! – ответил Луи-Виктор, чувствуя, что безразличие к нему самому вместе с пренебрежением к особе короля, задели его до глубины души.

Эта женщина не слишком-то старалась расположить к себе посланника короля Франции, и в глазах де Вивонна это само по себе было необычайным. Он с детских лет привык к совершенно иному отношению к себе и тем более к Людовику. Ведь при дворе графа встречали с неизменным интересом и почтением, пусть пока ещё не благодаря его личным заслугам, а из уважения к тому факту, что Луи-Виктор де Вивонн входил в круг самых близких друзей короля и представлял одну из самых влиятельных семей во Франции.

– С вашего позволения, матушка! – неожиданно девочка поднялась с табурета и положила на стоявший рядом стол лютню. Она с просительным выражением лица сделала реверанс перед королевой, и та соизволила ответить скупым кивком.

– Письмо для Вашего высочества! – не удержавшись от улыбки перед взглядом необычайно выразительных и горящих неподдельным интересом глаз, де Вивонн с поклоном передал в протянутые к нему маленькие ручки письмо, написанное и запечатанное Людовиком лично.

– Ой! Это от кузена Луи! – обрадовано воскликнула принцесса Генриетта и помахала письмом. Но показывала она его вовсе не матери, а мальчику лет тринадцати, который сидел на скамеечке возле окна, издали наблюдая за происходящим.

– Прочтите же, дитя моё! – сухо распорядилась королева, – и вернёмся к вашим занятиям музыкой.

– «Дорогая кузина!», – яркий румянец загорелся на худеньких бледных щёчках юной принцессы, как только она начала читать: – «Мы имеем удовольствие пригласить вас на прогулку в садах Тюильри. Будьте там сегодня после обеда. Просим сообщить нам о вашем согласии через нашего посланника. И мы будем вам очень признательны, если вас не затруднит взять с собой ваших фрейлин,» – читала она, покраснев ещё больше от возраставшего волнения: – «Нам также будет приятно встретить её величество – нашу дорогую тётушку, а также принца Анри – нашего дорогого и любимого кузена, если они пожелают присоединиться к нашей прогулке.»

– Это возможно только в том случае, если Генри уже ответил свой урок из катехизиса. Тот, который задал вам на этой неделе его преподобие отец Монтегю, – ответила королева, не дожидаясь, когда Генриетта прочтёт письмо до конца, но тут маленькая принцесса внезапно нашла в себе отвагу, чтобы возразить:

– Но матушка! Луи пишет, что это доставит ему удовольствие. Нехорошо лишать нашего доброго кузена такой радости из-за уроков. Отец Монтегю может подождать. А король Франции – нет!

– Мы поговорим об этом позже! – королева властным тоном пресекла эту смелую попытку и обратила величественный взгляд в сторону притихшего посланника:

– Мы передадим наш ответ его величеству позже, сударь!

– Вы можете передать ему нашу благодарность, граф, – мило улыбнулась Генриетта – полная противоположность холодной и отстранённой от всего, что её окружало, Генриетты-Марии.

– Могу ли я обнадёжить моего короля? – де Вивонн успел переглянуться с наблюдающими за этой сценой девушками из немногочисленной свиты вдовствующей королевы Англии, и тогда только вспомнил о придворных манерах. – Его величество со всем нетерпением ждёт вашего согласия, – повторил он уже с большей уверенностью и, картинно помахав перед собой шляпой, отвесил на прощание галантный поклон.

– И он получит наш ответ! Возможно, что и согласие. В своё время, – непререкаемым тоном ответила королева Генриетта-Мария и жестом указала де Вивонну на дверь. – Вы свободны, сударь! Её высочество приняла во внимание всё, что вы передали нам от имени вашего короля. Подайте мне это письмо, Генриетта!

Она протянула руку за королевским посланием, словно не замечая того, что де Вивонн всё ещё стоит позади её кресла.

Поражённый таким отношением к себе лично и к королю в особенности, Луи-Виктор, не скрывая обуревавших его эмоций, развернулся и решительным шагом направился к выходу. Только на пороге прежде, чем выйти за дверь, он задержался. Обернувшись, он отвесил прощальный поклон в адрес маленькой принцессы. С весёлой улыбкой в лучистых глазах Генриетта не переставала смотреть ему вслед, упрямо вздёрнув подбородок.

Воистину вдовствующая королева Англии умела наживать себе недоброжелателей, при этом навлекая неприязнь не только лично на себя, но и на всё своё немногочисленное окружение! Мудрено ли, что толпы восхищённых поклонников и даже хоть немного заинтересованных в судьбе её детей сподвижников покойного короля Карла Первого не стремились попасть на приём к Генриетте-Марии! Несмотря на свою молодость, де Вивонн был хорошо осведомлён

о том, как на самом деле обстояли дела при так называемом английском дворе. Собственно, его уже перестали так называть после того, как её сын – король-изгнанник Карл Второй переехал в Кёльн, а вслед за ним уехали и большинство дворян, эмигрировавших из Англии, захваченной кромвелистами. А ведь когда-то, по словам отца Луи-Виктора – герцога де Рошешуара, королева Генриетта-Мария была не только признанной всеми ослепительной красавицей, но и слыла необычайно просвещённой женщиной, умеющей увлечь и очаровать своих собеседников! Она сумела привлечь ко двору покойного супруга – короля Англии – самых известных и блестящих представителей европейской культуры. Покровительствуя художникам, драматургам и литераторам, она превратила английский двор в процветающий и яркий мир искусств. Как же сильно изменили её годы лишений и потерь! Встреча со вдовствующей королевой Англии поразила де Вивонна гораздо больше, чем он сам того ожидал.

Возвращаться к Людовику ни с чем было унижительным само по себе, а с ответом, который дала королева Генриетта-Мария, и подавно! Поэтому де Вивонн вовсе не спешил в Лувр и намеренно обходил все дорожки в садах Тюильри, выбрав самый долгий маршрут. Не замечая крепчающего мороза и ледяного ветра, который задувал даже под плотно запахнутый меховой плащ, он задумчиво прогуливался под окнами восточного крыла Лувра, где его и догнал принц Генри Стюарт.

Воспользовавшись уловкой о якобы срочном вопросе, который необходимо было задать гувернёру, обучавшему его классическим языкам и изящной словесности, Генри сбежал из душного приёмного зала. Наспех накинув на плечи всего лишь старый суконный плащ с воротником, подбитым жестким волчьим мехом, принц оббежал все уголки в обширных садах Тюильри в поисках де Вивонна.

– Подождите, сударь! – выкрикнул он на бегу, издалека завидев фигуру королевского посланника. – Вы ведь граф де Вивонн? Вы – Луи-Виктор, сын герцога де Рошешуара де Мортемара? Не так ли? – продолжал он на бегу, догоняя графа.

– Да, это я! Боюсь, что меня не представили вам, – не скрывая досады, не останавливаясь, ответил ему де Вивонн. Но услышав частое дыхание у себя за спиной, он остановился из почтения к принцу королевской крови.

– Я знаю, что ваш отец – герцог де Рошешуар, ратовал за помощь французских войск в войне моего отца с Парламентом. Мне очень жаль, что вам пришлось испытать на себе холодный приём моей матушки!

– Отнюдь! Её величество – сама любезность, – не без иронии ответил де Вивонн, но улыбнулся, увидев протянутую к нему руку принца. Не мешкая ни секунды, он ответил на этот дружеский жест, про себя удивившись крепости рукопожатия:

– Анри! Ведь Генри по-французски – это Анри, не так ли? Для вас я хочу быть просто Анри! И вашим другом, если вы не имеете ничего против! – с жаром выпалил принц, и в его пылкости Луи-Виктор заметил близкое сходство с характером его кузена – Филиппа Анжуйского.

Пожав руку де Вивонна, Генри отступил на два шага назад, собираясь вернуться в Тюильри.

– Я прошу вас передать его величеству, что я и моя сестра Генриетта будем рады встрече с ним. Мы будем на прогулке! С превеликим удовольствием!

– Я передам!

Короткая фраза в ответ на слова принца прозвучала вовсе не так дружелюбно, как ему хотелось бы, и Луи-Виктор с досадой прикусил губу. Всему виной была вовсе не гордость Рошешуаров, и не обида, о которой он успел забыть, а ледяной ветер, сильные порывы которого заставили его ещё плотнее запахнуть плащ.

– Прошу, передайте моё почтение её высочеству! – стараясь перекрыть сильные порывы ветра, выкрикнул де Вивонн уже вдогонку удаляющемуся принцу.

Он напроочь забыл о холодном приёме и словах, произнесённых королевой Генриеттой-Марией, думая лишь о необычном поведении принца и принцессы. Теперь-то он точно знал, что расскажет Людовику не о том, как его приняла королева, а о том, что сказала в ответ на его приглашение Генриетта, и о том, что попросил его передать Генри. Разве не этого ждал от него Людовик? И даже если королеве вздумается помешать принцу и принцессе явиться на встречу в садах Тюильри, это будет всецело на её совести, а не пренебрежением, оказанным её детьми, и уж точно это случится не по вине королевского гонца!

Эти мысли окончательно вытеснили гнетущий и неприятный осадок в душе, который остался у него после встречи с королевой. Де Вивонн и не заметил, как подгоняемый ветром с прогулочного он перешёл на быстрый шаг, а потом и вовсе стремглав побежал напрямик по снегу, пересекая обширный внутренний двор.

На скользких, заледеневших ступеньках парадного крыльца он едва не сшиб с ног зазевавшегося лакея. Влетев в просторный зал главного вестибюля Лувра, де Вивонн, ураганом пронёсся в сторону Большой галереи. Не разбирая дороги, он мчался сквозь толпу придворных через приёмную прямо к дверям королевских покоев, на бегу стряхивая хлопья снега с плаща и с полей шляпы.

Глава 3. Королевские гонцы. Безупречность Лувр, восточное крыло дворца, 12.12.1653 г.

Опытные путешественники говорят, что скорость, с которой мы можем достигнуть цели своего похода, зависит вовсе не от выбора кратчайшего маршрута, а от умения находить обходные пути. Граф де Сент-Эньян был одним из тех, кто знал наперёд, где и как можно обойти толпы придворных и просителей аудиенций в королевском дворце, так как мог прекрасно ориентироваться в расположении всех залов, покоев, галерей и коридоров Лувра. Ему были знакомы тайные переходы между покоем, даже и те узкие коридорчики, о которых ничего не подозревали слуги и гвардейцы, охраняющие дворец. Поэтому на своём пути от покоев короля к восточному крылу он предусмотрительно обходил стороной те залы и галереи, где в это же самое время дня собирались многочисленные толпы. Граф с невозмутимым видом неторопливо лавировал между суетливо сбившимися в кучки сплетниками и кумушками из числа придворных, которые повсюду сопровождали высокопоставленных вельмож, а также спешащими со срочными поручениями гонцами из прислуги, которые за день успевали пробежать по дворцовым коридорам расстояния, какие армия на марше не покрывала бы и за неделю. Выбирая узкие, полутёмные коридоры, граф не обращал внимания на то, что сопровождающий его паж едва успевал протиснуться между толпящимися в коридорах придворными. А те, хотя и с готовностью расступались перед господином обер-камергером, тотчас же плотно смыкали ряды, стоило ему пройти мимо. Любители строить глубокомысленные выводы буквально из воздуха, а также сочинители сплетен – все они тут же спешили поделиться своими догадками о том, куда именно направил свои стопы господин де Сент-Эньян. Ведь всем известно, что граф принадлежал к узкому кругу близких друзей короля. Увлёкшись этими пересудами, никто не посчитал нужным уступить дорогу личному пажу графа, который спешил вслед за своим господином. Его, словно тень, будто бы и не замечали вовсе, ведь он был всего лишь пажом, – ещё один юнец, питающий надежды на успех в придворной карьере!

– Не принимают! Заняты они! – резко прозвучал хриплый от криков голос.

Принадлежал он неприметному на вид молодому человеку, облачённому в костюм скромный, если не слишком дешёвый для взыскательного и привычного к изысканству и роскоши вкуса придворного. Он стойко держал оборону у входа в небольшой зал, который был выделен для проведения репетиций ансамбля Малых скрипок, который был сформирован по особому указу короля.

– А я требую пропустить меня! – тут прозвучало цветистое итальянское ругательство, при звуке которого даже у графа де Сент-Эньяна, многое слышавшего на своём веку, порозовели щёки.

– Да что ты о себе возомнил, сморчок? Да ты хоть представляешь себе, кто я такой?

Замедлив шаг, граф неспешно приближался к ним, издали наблюдая за этой нелюбопытной сценой. Между тем попытки грузного мужчины прорваться сквозь живой заслон у дверей от звучной брани на смеси французского и итальянского языков перешли к решительным действиям.

– Ты ещё пожалеешь, что связался с Мандолини, коротышка! – проревел он, всей своей массой надвигаясь на стража.

Но прежде, чем продолжить атаку, толстяк избавился от ноши – огромных размеров футляра, в который он мог бы с лёгкостью впихнуть и своего противника. Бережно, будто это был ковчег со святыми дарами, он прислонил футляр к стене, и только после этого вплотную подступил к вжавшемуся в дверь молодому человеку, внезапно оказавшись на целую голову выше его и почти вдвое шире в плечах.

Опасаясь, как бы из этой нелепой ссоры не разразился нешуточный скандал, де Сент-Эньян властным тоном окликнул противоборствующие стороны:

– Господа, я прошу внимания!

Лица мужчин выражали единодушие в одном: ни один, ни другой не собирались уступать, и словесная ссора неизбежно должна была перейти в жестокую схватку, проще говоря, в драку. Но если допустить это, то шум у дверей в репетиционный зал неминуемо приведёт к праведному негодованию самого Люлли – человека, наделённого талантом настоящего творца, а поэтому обладающего и чуткой натурой, не переносящего любые посторонние шумы и помехи во время своей творческой деятельности. Он обладал бурным темпераментом истинного сына Итальянского полуострова! Вспышки его гнева всякий раз приводили к громким и будоражащим воображение придворных и парижан последствиям, замять которые было далеко не так просто. А уж если волна нелицеприятных слухов о новой экспрессивной выходке флорентийца не замедлит разлететься по всем приёмным и галереям Лувра, то и первые известия о них непременно дойдут до сведения кардинала-министра, а также и до ушей королевы Анны Австрийской. Придворные сплетники будут смаковать эти слухи, пересказывая их из уст в уста. И конечно же, каждый постарается преподнести в самом нелицеприятном свете как облик самого музыканта, так и характер покровительствующего ему короля.

Словом, в этой пустой склоке совершенно непримечательных людей граф де Сент-Эньян предвидел бурю новых упрёков и неприятностей как для Люлли, так и для самого Людовика, и, конечно же, неминуемую угрозу срыва, нависшую над новым замыслом балетного представления. Принимая всё это во внимание, граф чувствовал себя обязанным вмешаться в спор и предотвратить едва не начавшуюся драку.

– Что? – оглянувшись, толстяк, назвавшийся Мандолини, увидел вошедшего со стороны галереи, ведущей из центрального крыла дворца вельможу.

Господин обер-камергер не нуждался в представлении. Ведь по властному тону его голоса, уверенной манере держаться, а также по костюму из дорогой ткани и голубой орденской ленте, надетой через плечо, невозможно было не догадаться о важности его положения и принадлежности к королевской свите.

Мандолини сделал шаг в сторону. Но не отступил, а только попытался уступить важному вельможе проход к двери, чтобы затем, усыпив бдительность стража, и самому протиснуться в зал. И всё же из желания показать, что он не лыком шит и не позволит первому же встречному отдавать ему приказы, толстяк бесцеремонно выставил вперёд ногу, перекрывая проход к двери.

– А вы, сударь, кто такой?

– Это граф де Сент-Эньян – обер-камергер его величества! – выпалил подоспевший за графом паж, и смело встал между своим господином и невеждой из глухой провинции, который не знал элементарных правил вежливого поведения при дворе и дворцового этикета.

– Полагаю, вы желаете получить аудиенцию у господина Люлли, сударь? – спокойно стягивая перчатки по очереди с каждой руки, спросил де Сент-Эньян, давая тем самым понять, что инцидент был исчерпан после того, как его представили по всем правилам дворцового этикета. – Не желаете ли для начала назвать мне ваше имя? И попросите уже доброго господина Скармаччо доложить о вас. Уверяю, что он не откажет в вежливой просьбе.

– Да я сам... Зачем это мне посылать кого-то вперёд? Я и сам могу сказать за себя, – отступив ещё на один шаг, Мандолини протянул руку к прислонённому к стене громоздкому футляру.

– Это ваш инструмент, сударь? Вы – виолончелист?

– Да, ваша милость, – польщённый вниманием к его драгоценному инструменту, толстяк без дальнейших просьб отступил от двери и бережно взял футляр. – Это моя Чиччона. Она проделала путешествие вместе со мной из самого Милана! У меня имеются рекомендательные

письма от епископа и от капельмейстера собора Сан-Джованни на имя директора королевского ансамбля Малых скрипок. Вот, они у меня здесь же!

– Стало быть, к маэстро Люлли? – уточнил де Сент-Эньян, наблюдая за сменой выражения лица миланца.

Этот наводящий вопрос был тотчас же воспринят им в штыки:

– Да чтобы я представлялся какому-то там флорентийскому выскочке? Мандолини стоит большего! Пусть сам директор королевского ансамбля примет меня!

– Как интересно, – проговорил граф и с лёгкой усмешкой посмотрел на грузную фигуру виолончелиста. – Ну что же, посмотрим, примет ли господин директор вас и ваш драгоценный инструмент. Может быть, он даже согласится прослушать вас для приёма в королевский ансамбль Малых скрипок. Сударь, будьте любезны, пропустите нас! – заметив нерешительность стража, он кивнул ему. – Я здесь от имени его величества.

Толстяк молча сопел, а при упоминании о короле ссутулился, сделавшись в полтора раза меньше. Несмотря на крупные габариты, он сумел протиснуться вслед за графом в едва приоткрытые двери и с любопытством вытянул, насколько мог, короткую бычью шею, чтобы заглянуть через плечо этого благородного господина.

В зале полным ходом шла репетиция, и никто из музыкантов не услышал ни звука отворяемой двери, ни объявления о приходе высокого посетителя. Расположившиеся полукругом, скрипачи играли музыкальный пассаж, повинаясь ритму, который задавал дирижёр, стоящий перед ними точно в самом центре зала. Он размахивал руками увлечённо и самозабвенно, почти с диким остервенением, устремив отрешённый взгляд куда-то вверх. Казалось, будто он мог видеть сами небеса сквозь выбеленный плафон, верхние этажи, и даже через густую пелену из снежных облаков, собравшихся в небе над Парижем!

Де Сент-Эньян пересёк весь зал, остановился возле окна, и, повернувшись спиной к оркестру, опёрся руками о подоконник, заledenевший от холода, который проникал в зал сквозь многочисленные щели в оконных рамах. Граф внимательно слушал игру оркестра, не скрывая удовольствия от прекрасной музыки, и благожелательно улыбался. Он ни разу не шелохнулся до тех пор, пока не стихли финальные аккорды.

Наконец, когда замолкли струны последней скрипки, тишина, воцарившаяся в зале, показалась настолько же пронзительной, как и только что сыгранный пассаж из нового героического марша, сочинённого к предстоящим празднествам.

– Кто посмел? – громко выкрикнул дирижёр и обернулся к дверям, испепеляя гневным взором переминающегося с ноги на ногу толстяка, державшего в руках огромный футляр.

– Я – Мандолини из Милана, – проговорил тот хриплым, будто осипшим от внезапной жажды голосом. – С рекомендациями для господина директора.

Люлли, а это был именно он, посмотрел на него свысока и небрежным взмахом тонкой кистью руки указал ему на угол, противоположный от того места, где стоял граф де Сент-Эньян:

– Ждите там! Я сам позову вас, когда закончу.

Краснея и отдуваясь, толстяк поплёлся и встал в указанном ему месте. Видимо он уже понял свою ошибку в отношении личности господина директора ансамбля и был этим крайне смущён. Более того, он выглядел весьма напуганным. Ведь Люлли – тот самый флорентийский выскочка, и был директором ансамбля Малых Скрипок! И это он всего лишь одним росчерком пера мог лишить любого всякой надежды стать придворным музыкантом!

– Ещё раз, господа! Начнём с третьего такта. И пятая скрипка слева! Я слышу, как вы всё время отстаёте. Если у вас есть другие устремления, кроме как играть в королевском ансамбле, то убирайтесь! Прочь! На выход! – выкрикнул он, при этом указывая вовсе не на дверь, а на окна.

Заметив расположившегося там де Сент-Эньяна, Люлли мгновенно стушевался и оставил своё место в центре зала. Едва ли не в два прыжка он подлетел к господину обер-камергеру, сияя самой счастливой улыбкой.

– Чему я обязан радости видеть ваше сиятельство?

– Многому, мой дорогой Люлли! – граф ответил ему кивком, с достоинством приняв почтительный поклон в свой адрес. – Очень многому!

– Всё что угодно, месье!

– Во-первых, его величество ждёт вас нынче же после обеда. На прогулке в садах Тюильри, – проговорил граф, не торопясь передать всё, что Людовик ожидал от своего придворного композитора.

– Если такова воля его величества! – с готовностью ответил Люлли и повторил поклон. – Желает ли король, чтобы мы играли для него во время прогулки?

– О нет, что вы! – поспешил возразить де Сент-Эньян, краем глаза уловив беспокойство музыкантов. – Мороз и ледяные ветры – не лучшие спутники для вашей прекрасной музыки, мой дорогой Люлли. Нет! Будет достаточно, если в компании с вами к этой королевской прогулке присоединится и мэтр Бошан.

– Бошан? – в чёрных глазах флорентийца сверкнули огоньки нешуточной ревности. – А что же потребуется от него?

– От вас обоих потребуется внимание ко всему, что пожелает сказать вам король. И готовность приступить к воплощению его новых замыслов!

Хотя граф и не слыл любителем напускать туман в отношении своих собственных намерений, и обычно оставался предельно открытым с собеседниками, но, представляя интересы короля, иной раз он не упускал случая произвести на слушателей максимально эффектное впечатление. Он сделал несколько шагов по залу, при этом с лёгким изяществом скользя по гладкому паркету на самых кончиках туфель. Демонстрируя великолепное владение телом, он балансировал на одной ноге, медленно вытягивая вверх другую ногу, плавно покачивая при этом руками. В довершение ко всему, он непринуждённо и легко исполнил разворот, распростёр руки в стороны и отвесил грациозный поклон перед замершей в восхищении публикой.

Впечатленные этой спонтанной импровизацией, музыканты не скупились на аплодисменты, используя для этого кто ладони, а кто смычки, которыми они постукивали по струнам скрипок.

– Не хотите ли вы сказать, что речь пойдёт о новом балете, ваше сиятельство? – едва слышно спросил Люлли, боясь поверить улыбнувшейся ему долгожданной удаче.

– Именно так, мой дорогой месье!

Любезный тон и внешняя непринуждённость графа слегка успокоили музыканта. Он резким движением поправил упавшие на глаза пряди чёрных кудрей и оглянулся в сторону притихших в изумлении скрипачей.

– Синьоры! Господа! Нас пригласили исполнять музыку для постановки королевского балета!

– Берите выше, мой дорогой, – поправил его де Сент-Эньян. – Его величество задумал приготовить необычное представление для святочного вечера. Новый балет! Это постановка «Триумфа богов Олимпа». Она будет представлена как танцевальное шествие. Вам предстоит написать марши и музыку к танцам и самому шествию, а в дополнение к ним несколько гимнов для хора. Ведь вы справитесь, не так ли? Даже несмотря на нехватку времени? Во всём остальном – средства, музыканты и танцоры – его величество просил вас не ограничивать себя ни в чём ради грандиозного воплощения этого замысла.

– Время, месье граф, не имеет значения! О нет! Если сам король дарует нам своё благоволение!

Пафос, с которым была произнесена эта фраза, несколько обескуражил музыкантов, которые уже предвидели настоящий кошмар ежедневных и еженощных изматывающих репетиций. По их лицам было видно, что готовность Люлли, скорее, пугала их, а никак не воодушевляла. И только продолжавший стоять в углу Мандолини разразился громкими аплодисментами, выкрикнув во всю глотку:

– Браво, маэстро! Воистину мы создадим самый красивый и блистательный балет! Мы сыграем музыку, которую не слышали ещё ни при одном дворе! Нигде во всей Европе!

Люлли посмотрел на смельчака, сурово хмуря тонкие брови.

– Кажется, это ваш новый музыкант. Он прибыл из Милана с особыми рекомендациями, – представил виолончелиста граф де Сент-Эньян, а сам лёгкой походкой, почти пританцовывая на ходу, направился к выходу. – И я рекомендую его вам! – добавил он, остановившись на секунду в дверях, – у него необычайное рвение. Возможно, что оно подкреплено и недюжинным музыкальным талантом. И не забудьте, дорогой Люлли! Король будет ждать вас и мэтра Бошана в садах Тюильри. Прошу вас не опаздывать, мой дорогой маэстро!

И уже выйдя из зала, де Сент-Эньян вполголоса проговорил, обращаясь к самому себе и к ожидающемуся в коридоре пажу:

– Хм, маэстро! А ведь недурно звучит, а? Почему бы и нет!

Глава 4. Королевские гонцы. Очарование Лувр. Апартаменты королевы, 12.12.1653 г.

Бегать на посылках в качестве королевского гонца с особым поручением было не впервой для маленького маркиза. Людовик часто посылал Франсуа с записочками или с просьбами передать что-либо важное на словах, полагаясь на его сообразительность и быстроту. Случалось, что маршрут гонца не выходил за пределы огромного зала Большой приёмной, но иногда ему приходилось добираться до самой дальней части дворца – в восточное крыло. Будучи с раннего детства в личной свите Людовика, де Виллеруа научился хорошо ориентироваться во всех королевских резиденциях, он был знаком с расположением апартаментов, приёмных и личных комнат всех важных и сколь-либо значимых придворных, которые постоянно проживали в королевских дворцах и состояли на службе у короля или королевы. Пользуясь вседозволенностью в качестве близкого друга короля, Франсуа беспрепятственно входил в любую часть королевского дворца, за исключением арсенала, кордегардий гвардейских рот и министерских кабинетов. Но и туда он и его товарищи по играм проникали тайком порой шутки ради, а порой на спор. Стоявшие на постах в карауле гвардейцы никогда не останавливали его на пути из одного зала в другой. Видимо мальчишеские шалости и бунтарские выходки не были забыты напрочь теми молодыми дворянами, из которых были сформированы четыре гвардейские роты дворцовой охраны. Совсем по-другому вели себя швейцарцы из особой роты личной гвардии королевы, которой командовал сержант Дезуш. По слухам, сержант был доверенным лицом, а точнее, глазами и ушами королевы Анны Австрийской, и каждое утро являлся к ней в покои с подробным докладом обо всём, что произошло в королевском дворце за прошедшие день и ночь. Швейцарские гвардейцы, которыми командовал сержант Дезуш, были все как на подбор хмурые бородачи, одетые в форменные камзолы, сшитые по моде прошлого столетия. А помимо длинных шпаг, у них на вооружении были громоздкие тяжёлые алебарды. Они всякий раз так и норовили подловить маленького маркиза де Виллеруа, чтобы устроить ему показательный допрос и повеселиться за его счёт. Однако же, несмотря на юный возраст, Франсуа был достаточно смыслён и дважды на одних и тех же уловках не попадался. Сообразив, что встреча со швейцарцами приводила к потере времени и, кроме того, сбивала с намеченного маршрута, маркиз научился определять их посты караула, издали замечая броские красносине-белые камзолы и панталоны-буфы, и обходил их стороной. Со временем Франсуа умудрился запомнить ежедневный график несения караулов во всём дворце. Так и повелось с той поры, что юный стратег прежде, чем пускаться в бег с очередным поручением от Людовика, определял свой маршрут, выбирая те залы и коридоры, где в карауле стояли только гвардейцы королевской роты.

Почётный эскорт из двух гвардейцев личной охраны короля не обрадовал юного гонца-скорохода. Нельзя сказать, чтобы его тяготила их компания, ведь это были хорошо знакомые ему молодые дворяне, состоявшие на службе в роте, называемой Дворянской сотней – почётной личной гвардии короля. Более того, командовал этой ротой отец одного из друзей Людовика – Антуана де Лозена – полковник Анри-Номпар де Комон маркиз де Кастельно, с которым водил дружбу почтенный маршал де Невиль – отец Франсуа. Но дружба дружбой, а никто добровольно не захочет раскрывать свои секреты и стратегические планы! Ради экономии времени Франсуа хотел воспользоваться своим секретным маршрутом через скрытые от посторонних глаз коридоры и переходы.

О существовании в Лувре целой сети потайных коридоров знали во все времена. И о них даже ходили самые невероятные и жуткие легенды. Но только небольшое число доверенных лиц из тех, кто поколениями служил во дворце, могло точно указать, где именно располагались

искусно замаскированные за гобеленами, шпалерами или за книжными шкафами двери, ведущие в те потайные коридоры. И даже среди этих людей далеко не каждый мог безошибочно сориентироваться в запутанном лабиринте переходов и ложных дверных ниш, не рискуя потеряться и остаться там навсегда.

– Куда это вы, маркиз? – один из гвардейцев позвал его, когда Франсуа по привычке свернул в сторону служебного коридора. – Дорога к апартаментам королевы идёт через Парадную галерею. А тот коридор, в который вы собрались свернуть, вообще-то, ведёт к королевской кухне!

– Никак засахаренных фруктов или булочек с маслом захотелось? А что, не грех бы и подкрепиться на дорожку! – подтрунивали над маленьким гонцом сопровождающие его гвардейцы, предвкушая весёлую прогулку и надеясь на то, что в апартаментах королевы им повезёт встретиться и обменяться несколькими словечками с очаровательными дамами из свиты Анны Австрийской.

Франсуа сделал вид, что шуточные намёки на любовь к лакомствам вовсе не смутили его. Он с простодушным видом проследовал за гвардейцами по официальному маршруту, который пролегал через Парадную галерею, Большой зал и дальше через целую анфиладу малых залов. Им предстояла долгая и скучная прогулка, и даже не бегом, так как в это время дня нужно было протискиваться сквозь толпу придворных, ожидающих аудиенцию в приёмных и залах во всём дворце. А, кроме того, приходилось постоянно лавировать между бегущими, не разбирая дороги пажами, личной прислугой, военными, адъютантами и секретарями, каждый из которых спешил по срочному, безотлагательному и важному поручению.

У дверей в приёмную королевы им преградили путь стоявшие в карауле швейцарцы. Те самые бородачи из роты сержанта Дезуша! Насмешливо ухмыляясь в бороды, они уже предвкушали веселье и важно скрестили тяжёлые алебарды, не впуская в зал маленького маркиза и его почётный эскорт.

– По приказу короля! – громко выпалил один из гвардейцев, но швейцарцы продолжали стоять, не шелохнувшись, будто и не услышали его вовсе.

– Маркиз д'Аленкур де Виллерау! По личному приказу его величества!

Звонкий мальчишеский голос привлёк внимание придворных дам, которые стояли, образуя несколько групп напротив дверей, ведущих в кабинет Анны Австрийской. Многоголосый гомон разговоров и весёлое шушуканье тут же стихли, и в воцарившейся тишине можно было отчётливо расслышать шелест колышущихся на сквозняке тяжелых гардин и негромкий скрип половиц паркета.

Щелчок. Ещё один! А вот и сразу несколько! Пронеслось всего одно мгновение, и недолгое затишье сменилось новой волной негромких разговоров и шума, похожего на хлопанье птичьих крыльев. В глазах тут же зарябило от блеска драгоценностей и мельтешения белоснежных кружев на запястьях рук и декольте дам; замерцали яркие всполохи красочных расписных вееров из китайского шёлка, которыми томно обмахивались придворные красавицы, скрывая за ними улыбки и нескромные взгляды в сторону явившихся в приёмную посланников короля. Все дамы с нескрываемым интересом разглядывали хорошенького голубоглазого мальчика со светло-каштановыми кудрями, одетого в детский камзолчик, в точности повторявший силуэт модного придворного костюма. Манеры и тон голоса этого маленького вельможи делали честь его воспитанию и заслужили одобрительные улыбки дам, очарованных его поведением.

В этот момент строгая дама в чёрном платье старомодного фасона, с высоким чепцом из кружев, венчающим посеребрённые сединой волосы, аккуратно уложенные в сложную причёску, поднялась с невысокого табурета. Она передала небольшую корзинку с вязанием в руки одной из фрейлин, которые окружали её, и величественной походкой прошла до середины зала, не выказывая ни любопытства, ни недовольства по поводу прихода незваных гостей.

– Господа! Будьте любезны, извольте впустить королевского посланника, – произнесла она, поприветствовав кивком головы де Виллерау и его эскорт.

Полный достоинства тон мягкого голоса этой почтенной дамы заставил швейцарцев немедленно подчиниться её просьбе. И немудрено! Ведь это была Мари-Луиза де Ланнуа герцогиня де ла Мот – первая статс-дама двора её величества королевы!

Маркиз с важным видом вздёрнул подбородок вверх и во главе своего маленького отряда прошёл мимо швейцарцев, сделав несколько шагов навстречу к герцогине.

Мадам де Ланнуа внимательно посмотрела в лицо мальчика и жестом руки поманила его к себе, сделав знак сопровождающим его гвардейцам остановиться и ждать возле колонны.

– Итак, сударь, теперь доложите обо всём, как полагается. К кому у вас поручение от короля?

Прежде, чем заговорить, Франсуа с почтительным видом снял шляпу, украшенную пышным плюмажем из страусовых перьев.

– Настоящее произведение искусства! – не удержался от восхищённого вздоха один из придворных щёголей, наблюдая за этой сценой.

Шляпа маркиза и в самом деле представляла собой любопытный образчик галантерейного искусства. Её широкие поля были чуть загнуты вверх и скреплялись брошью с правой стороны. Будучи по размеру точь-в-точь по голове мальчика, тем не менее эта шляпа не отличалась от настоящих головных уборов взрослых кавалеров и даже превосходила многие из них изяществом линий и дороговизной отделки.

В умении ловко кланяться и отдавать честь троекратным взмахом шляпой перед собой маркиз де Виллерау не уступал самым галантным кавалерам двора, что и продемонстрировал, склонившись в почтительном поклоне перед герцогиней. Затем он повторил всё это в адрес всех собравшихся в зале дам, чем заслужил восторженные аплодисменты и приветствия.

– У меня личное послание от короля для мадемуазель Олимпии Манчини, ваша светлость! А также мне поручено передать послания воспитанницам в свите её величества.

– Вот как? Очень любопытно, мой дорогой. А не позволите ли взглянуть? – с улыбкой спросила герцогиня и переглянулась с дамами, которые уже наперебой обсуждали эту новость.

– С вашего позволения, мадам, я должен отказать, – заявил мальчик с серьёзным лицом, изменившимся буквально на глазах.

Эта внезапная перемена тут же была замечена и вызвала всплеск негромких пересудов и улыбок.

– Его величество приказал передать эти письма лично в руки для каждой из мадемуазелей, – пояснил Франсуа, готовый стоять на своём до последнего.

– Я так и предполагала, – пряча улыбку, таким же серьёзным тоном ответила мадам де Ланнуа и отступила на шаг назад. – Что ж, извольте подождать, маркиз! Я сообщу о вашем визите.

– Её величеству?

Обескураженный вид мальчика вызвал ещё большую симпатию к нему у зрительниц. Наблюдая за ним, дамы из свиты королевы тихо переговаривались между собой. Пряча улыбки умиления за веерами, они обменивались шутками о достоинствах мальчишеской искренности и о детском всепобеждающем очаровании в манерах королевского гонца.

– Нет, мой дорогой. Отнюдь, – с мягкой улыбкой в уголках губ возразила мадам де Ланнуа. – Хотя мне и следовало бы поставить королеву в известность. Но в данный момент нельзя беспокоить её величество. Кстати, королева беседует сейчас с очень важным господином. Очень! Герцог де Невиль здесь.

– Ой! – вырвалось у Франсуа, и остатки серьёзности растаяли в мгновение ока под жаром разливающегося по щекам румянца.

– Я скажу о вашем приходе мадемуазель Манчини. К счастью, она и её сестры сейчас находятся на занятиях в комнате для фрейлин. Что-то подсказывает мне, сударь, что ваше поручение примут с великим удовольствием. Обождите здесь, мой дорогой!

Вздых облегчения вырвался из груди маркиза, и в тот же миг все опасения улетучились, словно их и не было. Его голубые глаза вновь просияли беспечной улыбкой, и в них вспыхнули озорные искорки. Он вежливо поклонился почтенной герцогине, всем своим видом демонстрируя готовность терпеливо дожидаться приглашения от мадемуазель Манчини и её сестёр.

Гвардейцы, оставшиеся по приказу герцогини стоять у входа, вальяжно подпирали колонны по обе стороны от дверей, и с дружеским снисхождением и толикой зависти наблюдали за де Виллерау. Этому малышу всё было нипочём, и любые двери распахивались настежь перед обаянием и искренностью его мальчишеской улыбки. Уже тогда можно было с лёгкостью предсказать, что в будущем под напором этого неистребимого задора и особенного очарования не устоит ни одно женское сердце. Впрочем, сам маркиз пока ещё не осознавал силу своего природного шарма и вообще был далёк от того, чтобы злоупотреблять природными дарованиями.

Стайка девушек собралась в тесный кружок возле окна, наблюдая за кем-то во дворе и что-то бурно обсуждая. Ни одна из них не заметила, когда дверь в комнату бесшумно открылась перед мадам де Ланнуа.

Войдя в комнату, герцогиня подошла к станку с пяльцами одной из юных мастериц. Склонившись над отложенным второпях вышиванием, почтенная дама присмотрелась к рисунку. Её строгое лицо с сеточкой тонких морщинок в уголках глаз чуть посветлело при виде цветка, вышитого золотистыми нитками, который формой лепестков напоминал королевскую лилию. Поправив иголку, чтобы она ненароком не выскользнула на пол, мадам де Ланнуа отошла от станка и негромко покашляла в ладонь.

Тут же послышался испуганный взвизг, и юные барышни все как одна развернулись спиной к окну. Они поспешно выстроились в нестройную шеренгу и дружно присели перед герцогиней в почтительном реверансе.

– Мадемуазели! Я рада, что вы с таким прилежанием проводите свободное время, дарованное вам. И, как я вижу, за полезными занятиями, – мадам де Ланнуа говорила так спокойно и без тени упрёка, словно и не заметила, чем на самом деле были заняты воспитанницы Анны Австрийской.

– Мадам! – нестройным хором ответили девушки и ещё раз присели в реверансе, с любопытством поглядывая в строгое лицо первой статс-дамы.

– Мадемуазель Манчини! – стоило герцогине назвать это имя, и тут же откликнулись сразу несколько девушек, черноволосых и смуглолицых, с очаровательными улыбками и блестящими миндалевидными чёрными глазами.

– Мадемуазель Олимпия Манчини! – уточнила мадам де Ланнуа после того, как убедилась, что внимание всех девушек было вновь обращено к ней. – Готовы ли вы принять гонца с поручением от его величества? Я понимаю, что время приёмов строго регламентировано. Но, – тут в уголках её глаз дрогнули морщинки, а на губах мелькнула улыбка, – уж очень настойчивый гонец. Он принёс письмо от короля, адресованное лично вам.

– Если мне будет позволено, мадам, – одна из сестёр, та самая Олимпия Манчини, присела в почтительном реверансе, низко наклонив лицо, чтобы скрыть от всех счастливую улыбку и победный огонёк, блеснувший в её чёрных глазах.

– Будет, – коротко ответила герцогиня и обратила строгий взгляд на перешептывающихся между собой девушек. – А разве у вас нет занятий более важных, чем хихикать за спиной у подруги, сударыни? За работу! Немедленно вернитесь к вашим занятиям.

Все девушки, кроме Олимпии Манчини, вспорхнули, словно стайка потревоженных птиц, и с весёлым щебетом разлетелись в разные стороны, чтобы занять каждая своё место.

Мадам де Ланнуа отошла к двери и приоткрыла узкую щёлку ровно настолько, чтобы только выглянуть в приёмную. Она сделала знак кому-то в приёмной, и пока этот человек шёл к ней, вытянувшиеся от любопытства лица воспитанниц королевы были повернуты в сторону двери. Живое девичье воображение рисовало в мыслях каждой из них образ пылкого и непременно красивого молодого человека, явившегося в роли королевского гонца. Причём образы, которые нафантазировали себе некоторые из девушек, были очень даже близки к действительности и были подозрительно похожи на некоторых молодых дворян из свиты Людовика.

– Франсуа д’Аленкур маркиз де Виллеруа! Прошу любить и жаловать! – торжественно объявила герцогиня.

Не без веселья в зорких глазах она наблюдала за тем, как возбуждение сменилось лёгким облачком разочарования на удивленных лицах юных барышень. Исключением оказалась лишь одна из них. Мадемуазель Олимпию Манчини, видимо, интересовала вовсе не личность гонца, а послание, которое Людовик передал с ним.

– И доброе утро, сударыни! – громко заявил о своём приходе маленький маркиз и ловко, как настоящий придворный щёголь, отвесил поклон, обращаясь одновременно ко всем.

– Сударь, мне сказали, что у вас имеется письмо для меня. Это так? – заговорила с ним Олимпия, стараясь не обращать внимания на тихий смех у себя за спиной.

– Да, мадемуазель! – старательно играя свою роль, ответил де Виллеруа и, щёлкнув каблучком об пол, протянул ей в руки письмо, на котором виднелись большая печать и размашистая подпись самого Людовика.

При виде знакомой печати, которая на этот раз красовалась вовсе не на одном из тех официальных документов, которые Олимпия привыкла видеть в кабинете у своего дядюшки кардинала Мазарини, её щеки и даже шея залились ярким румянцем. Она сломала печать и нетерпеливо развернула лист плотной гербовой бумаги, сверху донизу исписанный ровным почерком, испещрённым красивыми завитками и виньетками. Было видно, что к этому письму Людовик приложил максимум стараний и записывал его вовсе не наспех, как прочие записки.

– Меня просили не спешить, – простодушно заявил де Виллеруа, когда, оторвавшись от чтения всего лишь на мгновение, Олимпия обратила на него вопросительный взгляд.

– Так его величество ждёт ответа? – сама не зная от чего, вспыхнула ещё ярче мадемуазель Манчини и, неловко подёрнув плечами, посмотрела на герцогиню, которая спокойно наблюдала за этой сценкой.

– Ага! Ждёт. У меня тут ещё сообщения для ваших сестёр, мадемуазель. Точнее, это приглашения, – улыбаясь, ответил ей маркиз и с галантным поклоном передал остальные записки в руки подбежавшей к нему девочки, на вид чуть старше его самого.

– Ортанс, да погоди же ты! – шикнула на неё Олимпия, но её сестра с весёлым смехом увернулась от щелчка по носу и тут же отбежала к нетерпеливо ожидавшим своих писем барышням.

– Полагаю, мадемуазель Олимпия может ответить на это послание. А также и на все остальные приглашения от имени всех вас, мадемуазели, – произнесла мадам де Ланнуа.

На самом деле она с самого начала предполагала, что в записках выражалось намерение Людовика пригласить юных барышень, которые воспитывались при дворе королевы, на прогулку в сады Тюильри. Возможно, что в честь первого зимнего снега готовились катания на санках, а может, и на новомодных голландских коньках. Двор полнился различными догадками

в предвкушении этой новости, и вся придворная молодёжь с нетерпением ждала объявления о начале зимних увеселений.

– Я сейчас. Я быстро!

Пока мадемуазель Манчини поспешно открывала секретер, в котором хранились письменные принадлежности, и принялась за составление ответного письма для Людовика, маркиз улыбнулся герцогине и повернулся к остальным барышням. Все благие намерения сосредоточиться на занятиях были напрочь забыты. Получившие каждая личные письма с приглашением от самого короля, хотя и без красивой печати и личной подписи Людовика, девушки вознамерились отплатить королевскому гонцу самым душевным гостеприимством.

Они пригласили очаровательного посланника занять почётное место возле столика, стоявшего в центре комнаты. Лицо де Виллерау просияло улыбкой сладостного предвкушения при виде вазочек со сладким печеньем, фруктовым драже, а также сицилийских марципанов, засахаренных орешков и настоящих цукатов – лакомств, которыми сёстры Манчини щедро делились с подругами. Не теряя времени даром, Франсуа не стал дожидаться повторного приглашения и с завидным энтузиазмом накинулся на угощения. Попутно он успевал отвечать на многочисленные вопросы, которыми его наперебой засыпали девушки, окружив дружеской заботой и вниманием.

Глава 5. Королевский обед Лувр. Апартаменты короля и Обеденный зал, 12.12.1653 г.

– Ну что? Она его приняла?

– Кого?

– Да не кого, а что, – Людовик резко откинул пряди волос со лба и встряхнул головой. – Моё письмо. Она приняла его?

Не дождавшись ответа, он развернулся и тут же громко вскрикнул, увидев высунувшегося в окно де Виллерау.

– Чёрт, Франсуа! Не смейте! Лезьте назад сейчас же!

– Смотрите, сир, смотрите! – беззаботная улыбка на лице маркиза, когда тот повернулся к подбежавшему к нему королю, заставила бы рассмеяться до икоты любого на его месте.

Однако вовсе не это успокоило опасения Людовика, который успел не на шутку перепугаться за друга. В голубых глазах короля сверкнули огоньки, а сам он радостно улыбался, глядя вниз на кого-то, кто прогуливались во внутреннем дворе.

Встав у подоконника рядом с де Виллерау, Людовик принялся энергично махать рукой. Этот приветственный жест был обращён к одной из девушек, проходящих мимо дворцовых окон по запорошенной снегом после недавней метели аллее. После этого он крепко ухватил маркиза за плечо и втянул его в комнату.

– Я всё поняла! – донёсся с улицы голос Олимпии, и Людовик снова и уже с удвоенной силой помахал ей в ответ.

– Вы справитесь? – выкрикнул он сквозь порыв ветра, и весело подпрыгнул, когда мадемуазель Манчини присела в коротком реверансе, послав воздушный поцелуй, и помахала в ответ белоснежным платком:

– Да!

Будь это слово произнесено кем-то ещё, Людовик воспринял бы его как должное. Но из уст Олимпии Манчини оно прозвучало совсем иначе. В её тоне он не слышал обычной среди придворных наигранной любезности или подобострастия, но было нечто, что заставляло зардеться щёки и даже кончики ушей.

– Сир! – в комнату вошёл господин Бонтан.

В тот же миг звякнули и задребезжали стёкла резко захлопнутых оконных рам, протяжно скрипнула железная щеколда, запирая створки утепленных ставней. Людовик и Франсуа спрыгнули с подоконника и проворно отскочили в разные стороны, на ходу смахивая снежинки с рукавов камзолов и разглаживая вытянувшиеся на коленях панталоны.

– Бонтан? – стараясь не подать и виду, что был застигнут врасплох, Людовик с надменным видом смотрел на камердинера.

Тот выразительно поднял вверх густые брови и вытянул пятерню, указывая на часы, которые украшали каминную полку. При этом он многозначительно посмотрел сначала на Людовика, а потом и на притихшего возле книжной полки Франсуа.

– Время выхода к обеду, сир! Вас ждут. Сегодня на парадный обед были приглашены маршал де Невиль, маршал де Грамон, герцог де Креки, маршал Тюренн...

– Не обед, а военный совет, ей-богу! – пошутил король и весело подмигнул улыбающемуся маркизу. – Что ж, пригласим и маршала де Виллерау за компанию! Идёмте со мной, маркиз!

– Как знать! Как знать! Всё может случиться, – на полном серьёзе проговорил Бонтан и распахнул перед ними дверь.

– А, как же письмо? – вскрикнул будущий маршал и потянул Людовика за рукав. – Она ведь его написала специально для вас. Пока я ждал.

Остановившись в дверях на виду у всех, кто собрался в приёмной, король и виду не подал, что в письме могло быть нечто важное и заслуживавшее немедленного прочтения. Вот только голубые глаза горели от нетерпения, а на щеках вспыхнул яркий румянец. Он нетерпеливо выхватил письмо у Франсуа из рук и поднёс его близко к глазам, будто бы его заинтересовали всего-навсего аккуратные завитки в подписи. На самом же деле это была неловкая попытка скрыть охватившее его волнение. Влюблённый впервые в жизни юноша получил ответ на свою первую, несмелую и, что скрывать, неумелую просьбу выслушать его признания. Впрочем, то длинное письмо, которое Людовик написал для мадемуазель Манчини, на самом деле было целиком посвящено изложению планов его замысла поставить балетное представление в виде танцевального шествия, которое он хотел устроить в канун святочных праздников. И только в самом конце письма, в приписке под размашистой подписью, он умудрился уместить несколько слов о том, что на самом деле было для него важнее всего. Это и была просьба уделить ему несколько минут для личной беседы во время прогулки в садах Тюильри. Именно тогда Людовик намеревался признаться Олимпии в том, что он не решался высказать вслух на протяжении уже нескольких недель, всякий раз тушуясь под весёлым взглядом чёрных с янтарными всполохами глаз.

В отличие от пространного стиля, которым было написано послание Людовика, записка от Олимпии была лаконичной, а почтительное согласие было выражено всего лишь несколькими сдержанными фразами. И всё же этого короткого послания было достаточно для того, чтобы разжечь настоящее пламя в сердце влюблённого юноши.

– Осторожно, сир, не споткнитесь! И вообще, лучше бы вам спрятать записку ещё до того, как вы войдёте в Обеденный зал, – предусмотрительно посоветовал господин Бонтан, так как пока Людовик был поглощён чтением, они оказались уже в пяти шагах от входа.

– Да, конечно! Спасибо, Бонтан, – Людовик поспешно сложил пахнущий фиалковой водой листок и спрятал его на груди за отворотом камзола. – Франсуа, не отставайте! – он обернулся к де Виллеруа, которому из-за его малого роста пришлось всю дорогу бежать вприпрыжку, поспевая следом за ним и Бонтаном.

– Мы первые! – раздался звонкий мальчишеский голос, который тут же привлёк внимание всех придворных, столпившихся у дверей в Обеденный зал. И получилось так, что из-за этого крика никто не заметил появления самого короля.

Из соседней галереи с весёлым и вызывающе громким смехом выскочила ватага юнцов. Все они были одеты в костюмы самого модного фасона с изобилием причудливых узоров, вышитых золотыми и серебряными нитями, кружев и ленточек. Кричаще пёстрые, огромные банты из атласных лент красовались у них на талиях и предплечьях в дополнение к пышным воланам из кружев, которые украшали манжеты рубашек, манишки под воротниками, пряжки туфель и укороченные до колен панталоны. Во главе этой примечательной ватаги модных щёголей торопливой походкой, едва ли не вприпрыжку, шагал мальчик лет тринадцати. На вид он был самым младшим из них, к тому же почти на целую голову ниже ростом. Однако это вовсе не мешало ему отдавать приказы, сопровождая свои громкие команды властными жестами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.